

КАРАЧУН

РАССКАЗ

Владимир ВЕЩУНОВ

г. Нижний Новгород

Средняя Азия, Таджикская ССР, Сталинабадская область, Молотовобадский район, посёлок № 8. Ссылный интернационал: расказаченные ещё до войны донцы-кубанцы; болгары, не угодившие вождю Георгию Димитрову; поляки, сотрудничавшие с немцами... Сюда, в тепло из усть-обских гибельных лесоповалов к родне, высланной с Дона, бежал Тимоха Глазырин. Коварство чужеродной власти состояло в том, чтобы разбросать русский народ, распылить. Потому и рвали на части семейное тело: одну бросали на севера валить лес, другую — на борьбу за хлопок. Хорошая душа, Тимофей прихватил с собой раскулаченную сибирячку Катерину Шубину. Отца её, Леонтия, придавило лесинкой на непосильной деляне... Вместе с глазыринской роднёй слепили мазанку — своя крыша над головой. Расписываться Тимофей не спешил, Катерина не настаивала. Вскоре родился Мишенька, в метрике записали на фамилию отца.

Младенческая память просыпается порой удивительно рано. Среднеазиатское детство ярко запечатлелось у Михаила. Себя он пом-

нил с трёх лет... Вот бережно несёт миску с оладышками, бабушка Мотя напекла. Пыльный, знойный афганец, обжигающий песок, сандалики едва спасают, а Миша радостный: попотчевал Юлю-полячку, её детишек, Збышека и Монику. Бабушка в полосатом халате сидит в тени дувала и чинары. Достает из шароваров пиалу с чаем, угощает русского мальчика. Брезгливо Мише, но он не отказывается: обидится таджик, так бабушка Мотя учит.

Папаниа роет арыки на хлопковые поля. Цветёт хлопок, резь в глазах, от лихоманки спасает хина. Матушка — ударница по сбору хлопка. Ей даже сам Мирзо Турсун-заде, придворный поэт, входящий в таджикское руководство, вручил отрез мануфактуры в столице республики Сталинабаде.

Ночами, на свет керосинки к мазанке целое нашествие жительниц арыков — горластой лягушвы. Непрошенных, настырных гостей матушка выметает камышовым веником:

— Кыш-кыш, брысь, шлёпки!..

Квакушки — лакомство для змей и варанов. Папаниа-чудодей уговаривает пре-

смыкающихся вернуться в свои барханы и арыки. Из Тигровой балки доносятся душераздирающие вопли камышовых котов, разъярённых женихов-соперников, тьяканье шакалов. Папаня с блаженством втягивает сладостный для него, охотника, воздух тугаёв. Но охотиться в заповеднике нельзя. Там, в пойме слияния Пянджа и Вахша, первозданный оазис. Джунгли из сплетений ивняка, лиан дикого винограда, ежевики, тростника. Там ещё царствует туранский тигр.

Да, человек — царь природы. Таким его сотворил Создатель. Небесные светила, земные воды, океанские и речные, залежи в недрах, всякие произрастания, живность — служат человеку. А царственность его ущербна. Был мирен, жил в мире со всеми животными, но после Адамова преступления грех крепчал в нём. Животные ожесточились, многие озверились и стали злейшими врагами бывшему господину. Однако те из человеков, которые сохранили мирность в себе или возросли до неё, до святости по благодати Божией, могут смирять самых лютых ненавистников человека и делать их своими помощниками. Ворон приносил пищу Иоанну Крестителю в пустыне. Лев прислуживал святому Герасиму. Отшельник вылечил его израненную лапу. Этой же лапой гривач помог ученику Герасима вырыть в камнях могилу старца. Остался верен ему после погребения и жил в его пещере. Медведь прислуживал преподобному Серафиму Саровскому и угощал дупляным сотовым мёдом монахинь, пришедших к старцу за благословением.

Конечно же, папаня вовсе не был святым: донской казак, вольница. Мать его, Матрёна Филиппевна, истинная казачка, частенько поругивала сына:

— Карачун в лоб твою душаку!

Непонятная, страшная ругачка. В переводе с бабкиного: охлади, мороз, неужённую душу!

Время показало, что был он весьма грешен. Но какой силой сотворил диво дивное, когда привёл из тугаёв камышового кота? Метр в холке, пудовый, палево-крапчатый с поло-

ской, лапы мощные, хвост, как обрубок, кисточки на ушах. Зверь! Рысь, да и только! Но ластится, мурлычет, словно кот-баюн. Слушает его человек, поддакивает. Матушка в ужасе руками машет, чтобы убирался мужёнок с этим басмачом. Миша с разинутым ртом застыл от удивления.

— Подойди, сынок, погладь котофея, — попросил отец.

Ошерился зверь на ласку мальчика, будто залыбился. А Миша герой!.. Вдругоредь заявился папаня с ястребом-ягнятником. Тот вонзился когтями в кожаный наплечник. Сам до ста семидесяти не дорос, а у гостенька размах крыльев до двух метров. Вес полпуда. Клюв — стальной крючок; под ним «козлиная» перьевая борода, потому его ещё бородачом кличут. Горделивая, охристая белая грудь, подглазья тёмно-синие, крылья в пестринах, лапы в «штанах». Посвистывает деловито, мяукает, о чём-то разговаривает с человеком птица. К ужасу хозяйки, слетел с клёкотом с плеча хозяина. Точно туча поглотила мазанку. И обхлестал пахучей жижей всё нутро её, к Первому мая побелённое. А папаня лыбится как майская роза... И шакала приводил погостевать. Тот, как щенок, трусливо хвост поджал, сиротски озирается. Жалко Мише его стало, приголубил, краюхой хлеба угостил, сдобрил яичком под отчим приглядом.

Тайна великая — рождение человека, из небытия в бытие. Человек — тело, всё целое. Цельность, цельный организм, обожествлённый душой, освящённый Духом. Диво! Жизнь на добро дана ему, а он пачкает её, грешит, грешит. Ежели бы Господь Бог был только справедлив, то по справедливости всякий человек понёс бы суровое наказание, а то и жестокое. А ему, грешнику отъявленному, всё прощается и прощается. Господь милостив, Он есть Любовь. И это самое великое диво!

Жизнь назад явил отец Михаилу дар свой общения и дружбы со зверьём. Кто наделил его этим даром? Сам-то он ничего особого в этом не видел. Скрыта, видно, тайна сия в древнем пращуровом веке, когда, как сказа-

но в Писании, и телёнок, и лев, и вол жили вместе, и малое дитя водило их.

Тимофея забрали в трудармию восстанавливать разрушенные фашистами железные дороги. Бедовый, запропал где-то безадресно. Без него не мил и без того чуждый край. Потосковала Катерина и засобиралась на родину, в Сибирь. Бабка Мотя и вся глазыринская родня уговаривали: сыщется, де, Тимоха, вернётся. Но чуяло женское сердце: не вернётся, без вести пропавший. Вечерами не сказки рассказывала шестилетнему сынишке, а про родную Зимиху. Там течёт славная речка Алабуга, на ней плавают зелёно-золотые селезни с оранжевыми утятами, а в тихих заводах на листьях-блинах покоятся белоснежные кувшинки... И он уже поторапливал мать:

— Ма, ну когда мы поедём?..

Строчит километры послевоенный поезд-хлев «пятьсот-весёлый»... По ночам орудуют банды... Проводница истошно оповещает:

— Станция Арысь! Берегите чемоданы!

Звон разбитых вагонных окон. Крики, визг женщин... Катерина квочкой уселась на узлах. Меж ними зарылся Миша... Всё обошлось. Арысь — рысь!

Месяц маялись в дороге. Высадились в Ишиме, от него до Зимихи полсотни километров. Подгадали к подводе. В привокзальной скобяной лавке колченогий фронтовик-инвалид закупил оконное и ламповое стекло для керосинок. На нём краснозвёздная фуражка, китель с медалью, галифе. Одна нога в кирзаче, другая — культя с деревяшкой на скрипучих ремнях, скрип-нога. Ковыляя, подсобил погрузить на телегу узлы неожиданных пассажиров.

После месячной душегубки перед мучениками раскинулось приишимское раздолье. Не надышишься, не наглядишься!..

— Смотри, сынок, это родина твоя! Не посёлок номер восемь в Средней Азии, а Сибирь-матушка!

Миша потрогал тюбетейку. Возница обернулся:

— Сам товарищ пролетарский писатель Горький не снимал тюбетейку с головы. Дружба народов!.. Издалече, значит. Чеевна будешь?

— Шубина я.

— Знаю, добрый мужик Иван, знатный рыбак. Я, проездом когда, пару-другую карасиков у него прихватываю.

Хотела спросить ещё об Иване, о семье, да ведь сердце не выдержит, не доедет. Прикусила кулак, чтобы не разрыдаться. Платок скинула на плечи, из узелка волос выбилась седая прядка. Миша ткнул её в бок, округлив глаза, прошептал:

— Ма!.. Глянь!

В ворохе сена рядом с каким-то ящиком из полотняного мешка торчала нога — розовая, живая! Не поворачивая головы, возница успокоил:

— Не пугайтесь. Мне протез прописали, везу тренироваться, упражняться. Будет как настоящая нога, ещё и в пляс пойду. Эх, ма-а!..

Соскочил с телеги, плотнее закутал протез в мешок, открыл ящик. Это был патефон. Его он приобрёл на радостях в культтоварах после вручения ему доктором протеза. В патефоне лежала пластинка с «Валенками» Руслановой. Завёл его. По долу разнеслась развесёлая народная: «Валенки, валенки, да не подшиты, стареньки...» По правую руку от большака текли степенные воды Ишима. В плакучих ивах заливались соловьи, на обочинах в травостое перекликались перепёлки: пить-пить... В вышине журчал ручейком жаворонок. И разливалась песня... Изрядно отведав из фляжки, бравый боец, ковыляя, вышагивал около телеги:

— Ать, два, ать, два!..

Катерина быстро приновилась к патефону, перевернула пластинку: «Я под горку шла, тяжело несла, утомилась, утомилась, утомилась я...»

Миша сенцом кормил лошадку. Старенькая уже, седые грива и чёлка. Косила на доброго мальчика огромный, как шар, глаз. В нём отражалось всё небо и маленький Миша.

Возле «концерта» притормозил бензовоз. Из кабины высунулся фронтовик в пилотке и гимнастёрке:

— Какой фронт, браток?

— Первый Белорусский! — отчеканил женщина.

— Привет, Второй Украинский! Ну, будь!..

«Концерт» закончился. Катерина закрыла патефон. Скрип-нога своим бравым маршем «распахал» спёкшийся большак. Довольный, уселся на телегу:

— Ещё попляшем! — Вожжой не тронул, лошадь пошагала. — У нас давеча на широкой Масленице такая дивная ярмарка сладилась, такой плясун выискался, медвежонок на ходулях выплясывал! Степан-вожатый его так обучил. Эх, и мы ещё попляшем!

Он отхлебнул из фляжки, закемарил, свесив на грудь буйную головушку. И не заметил, как благодарные пассажиры сняли с него фуражку и накрыли ею пиалу с сухофруктами. Вместо фуражки надели тибетейку. Миша с уважением погладил на его кителе медаль «За отвагу».

Бодро шагала Каурка, отдохнув, отведав Мишиного угощения. После слияния Алабуги с Ишимом по правую руку от большака начиналась согра. Широкий плавный уклон от леса с придорожными холмистыми поселениями сусликов. С нарезками, здесь добывали знаменитый на весь Казанский район дёрн. Из него складывали мазанки, хлеба, по бедности и крыши. Кровельный тёс не всем был по карману. А городская дороговизна, жесть и шифер, тем более.

Бравый солдат в тибетейке мирно посапывал. Лошадь отмахивалась хвостом от нападавших слепней. Думы, думы... Шестнадцать годочков не виделась Катерина с семьёй, как-то встретят их с Мишей?.. А он всё ещё ощущал на своих ладонях прикосновение бархатных губ Каурки... А месяц назад потчевал лепёшками верблюда, смешная была у него кличка — Бактриан. Высоченный, с гордо поднятой головой, приспущенные веки, ухмылка. Не дотянешься до него, губошлёпа. Выплёвывал жвачку и сам опускался на колени: вкуснее

лепёшки ничего не едал! Великодушно разрешал мальчику усаживаться ему на спину. Тот восседал меж горбами, как между горами. Царственно взирал с верблюжьей высоты на завидущую ребятню, бегущую к Бактриану. Сказывали, перебежчик он с афганской стороны. Бежал он от басмачей, переплыл реку, пограничники поставили его на довольствие. А он детишек катает. Не добитые конницей Будённого, басмачи всё не угомонятся, кажут с того берега срамные задницы, «мстят». Трусливые шакалы! Вмазали бы им пограницы, да нельзя: международный конфликт. Афганистан покрывает бандитов. А Бактриан молодец! Отважный верблюд и добрый...

— Мам, а ты бабушке верблюжье одеяло не забыла?

— Не забыла, — она похлопала по самому большому узлу. И в других узлах были гостинцы: отрез мануфактуры, платки восточного фасона с павлинами, хлопковое масло, от сухофруктов кое-что осталось. Лепёшки бабки Моти съели в начале пути; весь урюк дожевали, пока ехали, другой еды не было.

Заливной пойменный луг с протоками отсвечивал золотом при заходящем солнце. Поскрипывала телега, пофыркивала лошадь, жара спадала, пауты и оводы не донимали. Прядала ушами, словно прислушиваясь к сонным руладам хозяина. На горюшке завиднелась ветряная мельница со щелястыми крыльями. Время не пощадило её. Сюда Катя с тятёй и Ваней привозили мешки зерна на жернова. За ветряком школа, а за ней тятин дом. По-прежнему ладный, с высокой подклетью, с обширной поветью. Сжалось сердце. Как-то встретит он?..

Миша устал сидеть на телеге и шёл рядом с лошадью. Она остановилась возле шубинской избы: не раз здесь останавливалась, заржала. Хозяин встрепенулся. Растерянно похлопал по тибетейке, по фуражке, догадливо хмыкнул и закричал:

— Иван, принимай гостинцев!

Калитка в заплоте скрипнула; вышел Шубин, лицом необычайно схожий с Катериной:

— А-а, Еропкин! Чего тебе, рыбу, что ли?

— Какая рыба? Глянь, кого я тебе доставил!

Возница подковылял к Ивану и торжествующим жестом указал на своих пассажиров:

— В целости, в сохранности!

У Катерины едва не подкосились ноги. Она крепко прижала к себе сына и держалась за него.

— Сестра! — вскричал Иван и, сделав несколько шагов, упал перед ней на колени:

— Прости!..

Она гладила его голову и плакала:

— Ваньша, Ваньша...

Возница вытер помокшие глаза, с трудом залез на телегу и впервые в жизни понужнул вожжами Каурку. Из избы высыпали домочадцы и застыли перед душераздирающей картиной. Катерина вытерла платком слёзы:

— Вставай, Ваня, пойдём в дом.

Дора подняла ослабевшего мужа, взяла под руку Катерину и повела их. Трое шубенят с любопытством уставились на мальчика в тюбетейке.

— Я братик ваш, — представился он, — Миша. А вас как зовут?

Конопатые, в цыпушках, они замялись. Старшой, бельмастый, ударил себя в грудь:

— Я Вася, в третий класс пойду! А-а, бельмо... В кузню к дядьке Матвею заглянул, а из горна искры — и мне прямо в глаз! Так я и окривел. Ну ничего, другой хорошо видит. А это Витька и Галька.

Миша развязал узел и надел троице тюбетейки.

— Я знаю, такие узбеки носят, — голосом бывалого произнёс Василий.

— И таджики, — добавил Миша. — У нас ещё подарки есть. Поташим в дом.

— Нет, надо взрослых подождать, — степенно возразил Василий.

— Да они еле-еле плетутся с горя, — мрачно произнёс Витька.

— Не с горя, а от счастья, — прошебетала Галинка.

Взрослые не дошли ещё до калитки, как услышали крик старой Авдотьи. Материнское сердце почуяло сердце дочернее:

— Дождалась, дождалась, доченька моя родная, Катенька! Спасибо Тебе, Господи, за милость Твою! Дождалась...

Слепая, в валенках, в варежках, она едва не соскочила с печки навстречу доченьке.

— Мама!.. — Катерина с рыданьем уткнулась в её колени.

Варежки сползли с худых старческих рук, и она гладила и гладила дочь, распуская её волосы, орошая слезами. Дора с плачем ткнулась мужу в плечо. Он стоял с повинно поникшей головой... Шубиных никак нельзя было причислить к кулакам: хозяйство крепкое, но без излишеств. Уполномоченный же, выслуживаясь перед начальством, перевыполнял план по раскулачиванию. По разнарядке на севера должны быть отправлены Шубины: Леонтий и Иван. Однако сын бежал в леса. Вместо него с отцом погнали дочь...

Дети затащили всё-таки узлы, прониклись общим настроением, зашмыгали носами, а Галка даже по-настоящему всплакнула. Авдотью спустили с печи и усадили за стол.

Весть о возвращении Катерины облетела Зимиху. Полдеревни собралось у Шубиных праздновать встречу. Авдотья, с невидящими, но счастливыми глазами, подняла стопку с рябиновкой:

— Дождалась я доченьку свою. За тебя, Катенька, душа моя!

Все дружно потянулись чокаться с Катериной.

— Так ждала тебя мать, Катюша, что ты не могла не вернуться.

— С возвращением, Екатерина Леонтьевна!

— Родина что мать родная, нет кровнее её!..

Катерина, с аккуратно причёсанными матерью волосами, сидела рядом с ней. Поднялась:

— Спасибо, родные, что не забыли! Я-то уже на родине, а тятя уже не бывать на ней. Покоится в далёком северном краю, в Приполярье, в тайге.

Дора поднялась:

— Душа его здесь, с нами. Такой дом поставил, память о себе. Помянем Леонтия Макаровича!..

Зимихинцы потянулись к Катерине с расспросами: что да как, про первую ссылку в холоде, про вторую — в жаре. Слезы навернулись, губы задрожали, не могла говорить. Иван поднялся:

— Не травите душу, дайте успокоиться. Давайте помянем убиенных, не вернувшихся с войны.

Поимённо помянули зимихинцев, погибших на фронте.

Гармонист, конюх Ероха, запозднился, подospel: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..», «Вьётся в тесной печурке огонь...», «Горит свечи огарочек...», «Выходила на берег Катюша...» Катюша... Зимихинская Катюша, скалистые берега судьбы твоей.

— А дедко Левонтий любил «Проводы», — прервал фронтовую тематику Ероха.

Вся Зимиха распевала на застольях Демьяна Бедного. Глянули на Катерину: как она?.. Приосанившись, приобняв мать, она запела:

*Как родная меня мать провожала,
Тут и вся моя родня набежала...*

Хозяйственный Василий на кухне устроил свою застольицу. Ухватом достал из печки сковородку с запеканкой. Галинка из прохладных сенок принесла кувшин клюквенного морса. Миша выложил на стол кульки с разными конфетами: подушечки, посыпанные соей, леденцы, ириски, карамельки, даже шоколадные в красивых фантиках.

— Михи-зимиха! — одобрительно хлопнул по плечу двоюродного брата Витька.

Чакали ходики с «словыми шишками» на цепочках с картиной Шишкина, где медведи в сосновом лесу.

Отгуляли взрослые. Хватит печалиться: жизнь продолжается!.. А Катерина отойдёт от тревог и переживаний и поведает сыпоти-ха о тернистой жизни своей. Сынишка у неё славный, свой среди шубенят.

Екатерина с Дорой день-деньской на поле-вом стане. Там же на тракторе Иван. Детвора работающая, спозаранку гонит бурёнку Майку на пастьбу. Задаст корм овечкам, борову Борьке, курам, гусям, уткам насыплет пше-на вдосталь. В огороде дел полно: окучивание, полив. А за работу моркошка. Скоблит стёклышком Вася оранжевые «сосульки», брызжут они соком. Раздаёт работничкам. На двоюродного брата поглядывает: привлекает Михи-зимиха к деревенской жизни. Лушат горох, бобы; лузгают семечки, выковыривая из решета подсолнуха. Разламывают маковые коробочки, высасывают из них молочко с маком. Подсохнут маковки, пошелушат их, и испекутся вкусные пирожки-маковички. Подпирают плетень смородина, малина, крыжовник. Ешь не хочу!.. Сами лакомятся, а пса поругивают, строят: лопает всё подряд, и помидоры, и огурцы, и репу. Неудачно Шариком назвали, совсем на шарика не похож: одно ухо остро, другое лопухом. И лыбится, огурцов нажравшись.

Бегут вместе с Шариком через большак на Алабугу. Перегоняют гусей и утку, тоже спешат лапчатые на речку. Кипит она, бультается в ней ребятища. И Шарик вместе с ними, залиvisto лает. К великому удивлению Миши, шубенята скидывают на бегу трусёшки и с визгом бросаются, голожопики, в воду. Миша в нерешительности топчется, снимает трусы и с укуса врезается в купальное буйство.

Авдотья с возвращением дочери точно убавила годочков и недужности. Сползала с печки и хлопотала на кухне, без валенок и без варежек, в тапках на верблюжьем меху, подаренных Катей. Домовничала, слепая, на ощупь, но сноровисто. Взрослые на работе, дети тоже не отлынивают, помогают. Придут, а у неё всё готово: наваристый борщ, каша-калега из брюквы, шаньги, ватрушки, чай с малиновым вареньем.

Бабушка вышла на крыльцо проводить внуков в школу. Иван, Дора, Екатерина с любовью оглядели первосентябрьский па-

радный строй. Краше всех выглядела, конечно же, Галинка: белый пышный бант, белый фартук, носочки, чёрные лакированные туфельки. Не Галинка, а картинка! Что ж, первый класс, важная персона! Другой первоклассник тоже смотрелся: почти наголо постриженный, один чубчик; уши торчат. Белая рубашка, чёрные брюки, полуботинки. Чин чинарём!.. Витьку не успели постричь, вихрастый, хмурится, не хочется ему в школу, не нагулялся ещё! Старшой, Василий, повыше ростом, поважнее, косит бельмасто на свой отряд. Подрос за лето, штаны коротковаты, безрукавка тесновата. У всех чёрные суконные сумки на пуговках, сшитые Дорой, с учебниками и тетрадками. Готовы к завету Ильича: учиться, учиться и учиться!.. Школа красуется новой крышей из жести, окрашена в зелёное, блестит на солнце, словно поляна после дождя. Четырёхлетка, необычное в ней обучение. Из-за нехватки помещений по два класса в одной комнате. Интересно соседствуют: первый и третий, второй и четвёртый. Так распорядилась директорша. Две дочки её слаборазвитые, плохо усваивают материал, потому и учатся под её приглядом во втором и четвёртом классах, чтобы не оставались на второй год, не позорили её. Григорий Семёнович, фронтовик, во френче, галифе, в высоких скрипучих сапогах, занимается с первышками и с третьим классом.

Миша и Галка сидели за одной партой, рядом через проход сидел Вася. Он плохо видел, они подсказывали ему, что учитель пишет на доске. На переменках вся школьня высыпала на поляну, катались по траве-мураве, барахтались, боролись, устраивали чехарду... Дежурный выходил на крыльцо с медным колокольчиком, школьный звонок с трудом отрывал шалунов от ласковой поляны.

Григорий Семёнович, зная о непростой судьбе матери Миши Глазырина, относился к нему сердобольно. Сам немало страдался в лагерях. Война вызволила, напросился на фронт. Перед октябрьскими по-отечески прижал к себе:

— Доверяю тебе, Миша, выступить на концерте в честь Великого Октября.

Школьники, родители собрались в так называемом актовом зале, размером с обычный класс. Григорий Семёнович взял баян и голосом, как сталь, запел: «Вставай, страна огромная!..» Знобкие мурашки пробежали у Миши. Все встали, и грянуло: «Вставай на смертный бой!..»

Миша выучил целую поэму:

*Юноша прямо стоит на допросе,
Молча стоит, и ни слова в ответ...*

Начал чеканить он. Заканчивал срывающимся голосом, чуть ли не со слезами:

*Немцы бойца с комсомольским билетом
Гонят босого на лютый мороз...*

И по-пионерски звонко, отдавая салют, закончил:

*Нет, он не льдом смертельным покрытый,
Вылит из бронзы и солнцем облитый,
Вечно он будет стоять над землёй!*

Зрители бурно захлопали.

— Молодец! — похвалил Григорий Семёнович.

Екатерина концом косынки утёрла счастливую слезу.

— Ледоход! — объявил Григорий Семёнович.

Вся школа высыпала на берег Алабуги. Свежий апрельский ветерок встретил созерцателей. Льдины, зеленоватые с просинью, тёрлись с шорохом, скрипом; постанывая, наползали друг на друга и ухали в глубину. Выныривали, топя одна другую. Картина ледохода вызывала у впечатлительных, душевных благоговение, как и всякая картина Божественной природы. Самые рискованные норовили запрыгнуть на какую-нибудь крупную льдину. Григорий Семёнович не церемонился со смельчаками, награждая их подзатыльниками.

Ура, каникулы!.. Учитель на МТС¹ выпросил полуторку и сам прикатил на ней к школе. В кузове набралось учеников сорок. С ветерком погнал Григорий Семёнович по родным просторам: пусть подрастающее поколение проникается любовью к родной стороне. Неоглядный окоём, алабужское приволье, холмы, перелески, согра. Всё вроде знакомо, привычно, но не наглядишься, не надышишься!.. «Орлёнок, орлёнок, взлети выше солнца!..» — завела песню пионервожатая. Потом пели: «Взвейтесь кострами, синие ночи!..», «Тот не знает наслаждения, кто картошки не едал...»

Михаил с Галиной перешли в пятый класс. А это уже учёба в райцентре, в селе Казанское, в десяти километрах от Зимихи. В десятилетке уже учились Вася и Витя. Ходьбы до школы час с небольшим. Зимой в стужу школа выделяла подводу. Собирали зиминских старшеклассников на санях давний знакомец Миши, шепутной патефонщик Еропкин. Тот сразу признал парнишку, который подарил ему тубетейку и пиалу сухофруктов, и даже поручковался с ним. Вспомнила и Каурка доброго мальчика, который когда-то кормил её сеном. Всякий раз при его появлении она радостно встряхивала гривой и мелко ржала, словно смеялась. Он баловал её печенюшками, конфетами и кусочками сахара. Она перебирала передними ногами, будто вытанцовывала. И однажды он вспомнил рассказ Еропкина про ярмарочного медвежонка, танцующего на ходулях, спросил о нём.

— А-а, Миша!.. — расплылся в улыбке Еропкин. — Заматерел Михайло Потапыч, такие фортеля выделяет, талией обручи крутит, на самокате гоняет. В мундире, сядет в сани, понужнёт лошадь вожжами, покрикивает на неё, как генерал Топтыгин. Та артачится: медвежий дух всё-таки, звериный! Смех и грех... А я вам в Зимиху, как только потеплеет, своё представление привезу, ки-

нокартины «Семеро смелых», про Зою Космодемьянскую...

— Так в Зимихе электричества нет.

— От тракторного движка ток проведу. Приходи, возьми с собой мать, хорошая она у тебя. Ивана, весь шубинский корогод.

В конце октября подул сиверко. Дымчатая позёмка прошелестела по согре. Золотая осень ковром легла у ног берёз и осин. Лес просветлел, лишь зеленели ярко и молодо ели.

Ранним погожим утром чащобу огласил мощный рёв. Бурый, лобастый, остромордый, двухсаженный, призвал подругу. Круглолицая, длинноногая, с гладкой шерстью, Чалая отозвалась и пристала к нему. Нагулявшись, они разошлись, но он заботился о ней. Сохатый угодил в ловчую яму, Бурый вытащил его и полверсты волок двухпудовую тушу к избраннице своей. Перед долгой зимовкой в берлоге ей надобно насыщаться. Ей и его детёнышам, которых она сберегала во чреве своём.

В начале ноября перед залеганием в спячку она выбрала удобное место для логовища под выворотнем. Углубила яму под ним, выстлала ветошной травой и листвой, сверху накрыла берлогу хворостом и еловым лапником. Но заселиться в своё уютное жилище не спешила. Кружила и кружила вокруг берлоги, прыгала взад и вперёд, пятилась, путала следы. Когда метель начала заметать её хитроумные кружева, залезла в берлогу. Закрыла вход сучьями и лапником, свернулась калачом, прижав передние лапы к груди, сладко засопела. Пела выюга, навевая первый медвежий сон.

Декабрь выдался тёплым, и Бурый не торопился в свою берлогу. Молния жахнула в вековой дуб, расщепила изножье и выжгла дупло — целую пещеру. Грозовой дуб предоставил Бурому и жильё, и питание, поливая желудёвым дождём всё вокруг. Секачи норовили сунуться в кормные места, но хозяин одним махом располосовал когтистой лапой их вожака вепря. А когти у Бурого стальные, серповидные, смертельные. Стая волков, оголодавших, угодила под них на убой.

¹ МТС — машинно-тракторная станция.

В то позапрошрое лето природа страдала от бескормицы. Засуха, неурожай ягод, мор заглушил развесёлое птичье царство. Поубавилось зверья для медвежьей охоты. Великий Бурый опустился до мелкого воришки. Таскал с крестьянских подворий собак. Повезло раз, утащил на себе отошавшую тёлку. В другой раз повезло: отбившийся от людей табун в болотистой чащобе жевал камыш. Выскочил из засады Бурый, ринулся испуганный табун в бегство. Настиг Бурый отстававшую кобылу, мощным ударом лапы переломил хребет... А потом ледовитая стужа сковала землю, снега повалили, замёрзло всё живое. Волки, росомахи, лисицы, горностаи, песцы рылись в скотомогильниках. И медведи питались падалью.

Бурый же силы сохранил, он мог долго гнать косулю или оленя. Загнанные в изнеможении падали, становились его добычей. Он оставался хозяином леса, и всё ему было подвластно. Кроме сохатого. Неприхотливый в еде великан без конца хрумтел подростом, грыз ветки деревьев, жевал хвойный лапник. Горбатый, мощные лопатистые рога, смертоносный удар задних копыт, он легко расправлялся с волчьей стаей, с рысью или росомахой. С ним Бурый не связывался. Чуткий на ухо, с музыкальным слухом, запомнил трубный рёв сохатого, когда в осенний гон тот приваживал молодую лосиху. Однажды в засаде, в зарослях можжевельника начал вабить, подражать лосиному зову. Ошалелая от любовной песни важенка не учуяла злого медвежьего духа и вышла из чащи к «кавалеру». Он безжалостно перебил ей хребет и принялся разделявать тушу. Удачливый охотник, он, однако, и сам попал впросак. Люди напридумывали много погибелей. Поставит зверовик медвежий капкан, да непростой: привяжет к нему колоду на длинной веревке. Схватят железные челюсти лапу, в отчаянии пытается горемыка выдернуть её и всё больше запутывается в верёвке, а колода дубасит. Тут и счастливый медвежатник подоспеет, добьёт. Такая ловля по всем статьям доходная: шкура целая, медвежья полость в

богатых домах особо ценится; жир от чахотки, желчь от лихоманки, когти от привороты, зубы от напастей. И, конечно медвежатиная: полезная. Особенно молодая.

Бурый, с его-то чутьём, как-то не учуял человеческого запаха, угодил лапой в эту обычную ловушку, припорошённую снегом. Долго маялся, перегрыз верёвку, с трудом вытащил окровавленную лапу из капкана, оставив незадачливому зверолову клочок шерсти. Впредь чутьё его не подводило. Он за версту чуял острый запах мужицкого пота. Семь потов сойдёт с мужиков, пока они соорудят в ловчей яме сруб из брёвен. Сверху накроют настилом из ветвей и елового лапника, приманку подбросят, заячью тушку. Нечутливый и рушится в яму, заваливает его брёвнами. Ежели мужички со срубом поленятся возиться, то в дно ямы колья воткнут или положат доски с гвоздями. Изуверство!.. Раздаются тогда из ямы на весь лес рёв и стон истерзанной жертвы человека. И копятся в медвежьей крови ярость и мщение. И смерть бродит по тайге — карачун...

Однажды после таких жутких воплей измученного сородича будто всё воспламенилось в Буром. Он совершил безумный мстительный рейд по деревенским подворьям, зарезал немало скота, даже не отведав мяса.

Ранняя снежная зима укрыла его берлогу сугробами. Однако недавние кровавые походы наполняли сны, он ворочался, сопел, урчал. Снег вокруг берлоги от его тяжёлого дыхания отдавал желтизной. Даже бесстрашная куница боялась пересечь это пустынное место: здесь залёг в спячку сам великий Бурый.

Крестьяне, пострадавшие от набегов Бурого, собрали отряд и вышли к грозовому дубу, к его берлоге... Он за версту учуял человеческий запах, запах пороха, услышал скрип лыж. Они встали полукругом, один из них ткнул рогатиной в чело берлоги. Только тогда, рыча, Бурый вылез из логовища. Поднялся во весь рост, огромный, страшный, взревел дико. Двое из нападавших попятились и чуть было не бросились наутёк. Трое же с рогатинами пошли на Бурого. Извергая жуткий рёв, он

отмахнулся от них, едва не поломав их палки. Двое струсивших опомнились, устроили пальбу, и только тогда смертельно раненного великана мужики с криками повалили рога-тинами...

В смутных снах Чалой виделись образы Бурого, картины его жестокой судьбы. Чудилось, люди приближаются к берлоге. Высовывалась, готовая броситься на защиту малышей: опросталась до срока в начале марта. Вновь погружалась в беспокойный сон; сосала лапу, утишая почесуху от линьки... При первой мартовской оттепели мать с детёнышами выползли из берлоги. Она с наслаждением каталась в снегу, сбрасывая клочья шерсти после линьки. Три меховых комочка барахтались рядом с матерью. Чалая повела свой выводок на болотистый кочкарник, где алены клюквенные куртинки. Голодная семейка с жадностью набросилась на кисло-сладкую ягоду. Чалая с клюквой жевала мох: помогает после зимней спячки от медвежьей болезни. На солнечной поляне кое-где зеленела трава и ярко желтели лютики. Медвежата хотели было попробовать на вкус эти цветы, но мать лёгкими шлепками не позволила: ядовиты, лютик — лютый. Нагнула ветку вербы, отвела почку. Пушистые, душистые комочки поглянулись и малышам. Ольховые серёжки свисали низко, тоже вкусные. Крупитчатый снег в дубняке был усеян желудями. Ешь не хочу! В ельнике Чалая сорвала с ёлочки вершок-отросток, не колючий совсем, горьковатый, хвойно-запашистый. Все ёлочки были утыканы этими вкусными «свечками», доступными для медвежат. Захотелось пить, и четверица направилась к речке. У берега течение уже освободило ото льда полыню. Медведица неглубоко зашла в воду, и медвежата забултыхались возле её ног. Накупавшись, вернулись на солнечную поляну. Снег на её середине солнышко уже слизало. Чадолубивая мать, млея от материнского счастья, налюбовавшись на борющихся малышей, задремала. Игрунчики по ней ползали, кувыр-кались. Наигравшись, улеглись у матери под боком и тоже задремали.

Весна! От счастья задыхались птицы и верещали оголтело, и лес рядился в зелёный «ситец». Всё пело: и птицы, и листва, и пчёлы, и комары, и кузнечики, и речка. Всё живое явило себя напоказ. Усердные муравьи благоустроивали свой город. Прекрасные бабочки пленяли мир своей божественной красотой. Перламутровка села на нос младшенькому медвежонку. Он скосил глаза на неё, махнул лапой. Она вспорхнула, жемчужно переливаясь на солнце, и вновь села ему на нос. Она играла с ним. От щекотки он фыркнул, чихнул и замахал лапами. Побежал к братишкам, они играли на горке, забирались на неё и скатывались кубарем. Он присоединился к их забавам. Чалая сидела за пенёком с торчащей щепой, оттягивала её, та звенела, дрожала, пела. Шипковый медвежий инструмент. На вечерней зорьке токовал тетерев. Чалая не позволила медвежатам трогать красивую птицу. Она любовалась радужно-красочным оперением. Тетерев напоказ веером распустил хвост, привлекая глухарку. Утиная тяга от горохового поля к гнездовью в речных камышах со свистом освежила сумеречный воздух. На болоте заскрипел коростель, грянул хор лягушвы. В небесах над землёй взметнулось серебряное покрывало — Стожары. В орешнике возле берлоги баюкала «игрой на флейте» медвежий сон иволга.

Зашумели всходы пшеницы и ржи. Между ними располагался полевой стан. Сюда не сунешься. Медведица с медвежатами повадилась гостевать среди посевов проса, овса, гороха. Их охранял от потравы сторож Степан, отпугивал вредителей трещоткой, барабанками, палил из берданки. Пополудни жена приносила ему обед. Однажды она натолкнулась на медведицу с медвежатами. С криком бросила корзину с едой и побежала назад в деревню. Медведи не обратили на неё внимания. Запустили лапы в корзину, съели кашу из горшка, краюху хлеба, выпили крынку молока. Довольнѣхонькие, потѣпали в свои лесные владения.

Не дождавшись обеда, Степан оставил своё сторожевое место и с бредешком отправился

на речку ловить рыбу. У переката в затоне водились хариусы, плотва, окуни, ерши, щуки, лини и даже сомы. Однако в этот раз в бредень попался не рыбный улов — медвежонок! Он наглотался воды и едва дышал. Степан положил его на землю, нажал ладонями на пузёшку, изо рта выплеснулась вода. Ещё, и ещё раз... Утопленник открыл глаза.

— Эх тебя угораздило, малыш! — обрадовался Степан и пошлёпал его по щекам.

Тот огрызнулся, рыкнул.

— Ну-у, жить будешь! — довольно произнёс спаситель.

Завернул найдёныша в бредень, взвалил на плечо и пошёл домой.

Развесёлое, беспечное купание обернулось страшной бедой. Чалая не заметила, как младшенький отдалился от неё к стрежню. Стремнина подхватила его и понесла вниз по течению. Она взревела, вытолкнула двух медвежат на берег. Ломая прибрежный тальник, бросилась вдогонку за погибающим детёнышем. На излучине остановилась, увидев посредине реки корягу. С надеждой вглядывалась и вглядывалась: может, зацепился за неё медвежонок. Ей мнилось, что он там, что он шевелится и ждёт её. Она бросилась в воду, преодолевая сильное течение, добралась до коряги. Всю обшарила её, едва не перевернула, но медвежонок там не было. Взыла, сидя на коряге, но крик и боль её заглушил бурный поток. Тоскливо взывая, обезумевшая, она всю ночь бродила по берегу, пока не наткнулась на тальниковые заросли, в которых, вздрагивая, спали её оставшиеся в живых детёныши...

Увидев мужа с медведем, жена, натерпевшись страху, закричала:

— Убирайся!..

Он выпростал из бредня полугодовалого охристо-серого малыша.

— Варя, эта малая животинка при смерти, ей пособить надо. Жизнь всё-таки!..

Он был настолько слаб, что его кормили молоком из соски. Выхаживали месяц. Подрос, окреп, привязался к спасителю: куда тот, туда и Мишутка. Однако живность полошлась, когда он появлялся во дворе. Только

Полкан, такой же медвежатый, сдружился с ним. Крадче от Полкана Степан унёс медвежонок далеко-далеко, за речные пороги, в глубь леса: сыщется мать, может, не пропадёт... Но тот, преодолев лесистые взгорья, болота, речные перекаты, через неделю вернулся назад. О его возвращении радостным лаем возвестил Полкан.

— Мишутка-то верный какой! — пролила обильные слёзы над возвращенцем Варя, тиская его в своих объятиях.

Пир на весь мир устроили по случаю возвращения «блудного сына». Праздновало всё подворье. Бурёнка Майка, боров Борька, овечки гужевались, хрумтя подсолнечным жмыхом. Пшеном засыпали курей, гусей, утку. Кот Васька плотвички отведал, Полкан зайчатины. Мишу для восстановления сил целой миской мёда ошедрили. Сидя на крыльце, слипшись плечиками, любовались своим подворьем хозяин с хозяйшкой. Полкан боролся с Мишей. Селезень катался верхом на Борьке; овечки блеяли, словно смеялись, радостно гоготали гуси, квохтали куры, крикали утки. Майка мукала, словно дула в дуду. И всё заодно было в этом мире.

Деревенские мальчишки гроздьями висели на плетне, чтобы посмотреть на медвежонок Мишу. Тот вставал на задние лапы, принимал борцовскую стойку и боролся с Полканом. Положив соперника на лопатки, с видом победителя прохаживался по кругу, вызывая восторг зрителей. Степан смастерил ему самокат, и он разъезжал по двору. На этот цирк собирались и взрослые. Советовали Степану выступить с ним в Масленицу на ярмарке.

В ту пору мальчишки, забросив свои любимые игры, городки, бабки, чижа, чехарду, лапту, катали правилками обода от автомобильных колёс. На МТС этих обручей было навалом. Степан выгнул из проволоки уголок с рукояткой, сам потренировался, покатил колесо и Мишу поддрессировал. Тот быстро освоил этот цирковой номер. Ловко орудовал правилкой, со звоном катая обод по двору. Пацанёнок, да и только! Милый, смешной, забавный. Ему было без малого год, когда по-

буревший, возмужавший, он крутанул железный обруч на шее. Затем туловищем закружил его, да не одно, а целых три с металлическим трезвоном. Степан ставил бочку кверху дном, и Михаил, стоя на ней, исполнял «танец живота» с тремя обручами. То же самое сумел повторить, перебирая лапами, на катящейся бочке. Это уже был цирковой номер высокого класса...

И вот Степан и Михаил появились на масленичной ярмарке. Здесь со времён царя Гороха не видели медведя. Зеваки собрались, тычут пальцами, просят покомедничать. На самокате погонял, правилкой обруч поката, на бочке из-под пива пофигурял, обручами потрезвонил. Детва визжала от восторга. Мужики и бабы под медовуху требовали учудить что-нибудь эдакое. Посреди ярмарочной площади высился шест с премиальным барашком наверху. Много верхолазов пытались добраться до него, но с позором соскальзывали вниз. И тут медвежонок взлетел по шесту к барашку и скинул его на руки Степану. Толпа загалдела. Одни кричали, что так нечестно, другие хвалили таланты Степана-вожатого и его питомца. Клоуны подсунули победителю шестовику ходули. Не растерялся он и отчебучил под гармошку кадрили.

В середине февраля сорокаградусный мороз сковал Зимиху. Притихли подворья, не замычит корова, не взлает собака. Мгла сугробом навалилась на шубинский заплот, калитку не открыть. Иван спозаранку откопал её, надел лыжи и отправился на работу на МТС за согрой. Дора с Катериной задали корм живности, надели шубы, пимы, закутались в шали и побрели в снегу на ферму. Крестьянские дела неотложны. Еропкин в непроглядную темень, в снежную круговерть за зимихинской школьной не приехал.

— Карачун! — сидя на печи, объяснила бабушка Дуня такую непогоду.

Четверо шубенят (Мишу уже давно причислили к ним), лёжа на полатах, жевали вяленую моркошку.

— Баушка, а что такое карачун? — спросил Вася.

— Это было в стародавние времена. Из подземного царства, где вечный холод, на землю пришёл Карачун. Принёс с собой лютую стужу, снега и метели. Испугались люди, что помрут от холода и голода, и стали упрашивать его и подругу его Зиму, чтобы правили они только часть года. Едва уговорили. И вот пришла Весна. Заартачилась Зима: «Не уйду, — говорит, — пока не проводите меня с почестями!» Старуха, а сил хватало, послала стужу, снега и метели. Призадумались люди, как угодить Зиме, как устроить её проводы. Тут слетела с неба светлая Лада, обернулась птичкой-синичкой и сказала: «Я знаю, как достойно проводить Зиму». В ту старину люди пекли пресные лепёшки. Лада поведала о закваске. И вот Зима явилась на свои проводы. Каждая изба встречала её хлебосольно, гостеприимно. На столах с яствами стояли стопки золочёных кругов.

— Я знаю, я знаю! — прервал бабушкин сказ Витька.

— И я, и я знаю!.. — загалдели ребяташки.

— Это блины! — пропищала Галинка.

— Ох, какие вы у меня понятливые! — всплеснула руками старуха. — Да, это блины на Масленицу. Её ещё называют не только блинной, но и оладьиной. Потому что Лада научила печь оладьи и блины. С тех пор повелось: поладили, ладно, всё будет ладом, лад. Помните: «Ладушки, ладушки, где вы были? У бабушки».

Авдотья захлопала в ладоши, ей вторили внучата.

На паужну вся семья собралась за кухонным столом. Ещё скворчала на сковородке запеканка, на другой сковородке румянились сочни, испечённые для лапши. Но половину их уже схрумтели ребяташки, запивая простоквашей. Катерина вспомнила любимое блюдо бабки Моти и вместо супа с лапшой сварила суп с галушками. Мясной, наваристый, с сочными клёцками, он всем пришёлся по вкусу. Иван, по-механизаторски уработавшись на МТС, маханул две миски и остатки смачно выхлебал из чугунок. Уважила сестрица, за раз можно весь чугунок опро-

стать!.. Катерина погрузилась: Средняя Азия, бабка Мотя, Тимофей...

— Тётя Катя, что вы, так вкусно с галушками! — заметив её грусть, произнесла Галинка. И похвасталась: — Карачун, бабушка сказала. Это погода такая невыносимая.

Катерина встала из-за стола и медленно пошла в свою спальню. На лесозаготовках в лагере, когда погиб тятя, её из жалости поставили сторожить складскую сараюшку. На ней числилось немало инвентаря: фуфайки, валенки, кирзачи, шапки, продольные и поперечные пилы, ножовки, колуны, ломы, кирки. Зимой щелястая сараюшка со свистом продувалась насквозь. Катя, в ватнике, ушанке, валенках, забивалась в угол с ружьишкой и пыталась хоть часик вздремнуть. Выужило так, что сараюшка тряслась, вот-вот развалится. Однажды вместо вьюги её затряс медведь. Пыхтел, рычал, зловонное дыхание пробилось сквозь щель в сарай. Наверняка это был тот самый шатун, который не давал покоя всему лагерю. Он помял не одного смельчака, пытавшегося выйти на него. Белогрудка, стервятник, неуловимый, как дух, преследующий, как смерть. Потому и прозвали его Карачун. Катя пальнула из ружьишка, и вдруг всё затихло. Но не от выстрела. Снаружи миролюбиво заговорил какой-то мужик. Медведь, будто жалуясь, заворчал.

— Ладно, ладно, не все люди звери. Иди отсель, Карачун, не пужай честной народ. Им и без тебя лиха хватает.

Человек разговаривал с медведем. Дверь распахнулась.

— Что, испугалась, девка? Вставай, пойдём отсель!..

Тимофей уже ринулся в бега. «Жируя» на болотном брусничнике, услышал выстрел... На лесовозе добрались до ближайшей станции... Вот такой Карачун! Где же ты, Тимофеюшка? Говорящий со всяким зверем. Неужто не нашёл общий язык с ней, со своей Катенькой, которую любил. Ведь по любви родился сыночек Мишенька.

Миша подошёл к матери, погладил по голове:

— Мама, это бабушка о Карачуне рассказывала. Он что, такой страшный? Ты его видела?

Она прижала сына к себе:

— От людей, Мишенька, зависит. Ежели люди добрые, и он добрый. Мы при нём с твоим папкой свиделись. Ты же помнишь, он со всяким зверьём мог поладить. И с этим медведем тоже по-дружески разошёлся. А про него, про Карачуна, остяки, северные люди, повестье сказывали. Пришёл этот лесной дядька в чум брать в жёны самую красивую девушку. А её братик встал перед ней, загородил её от него, повелел убираться в свою тайгу. Человеческое дитя повелевало зверем-великаном. Подивился лесной дядька храбрости малыша и потёпал восвояси.

— Ух, ты-ы!.. — восхитился отважным мальчиком Миша и представил себя на его месте:

— Ма, а я бы тоже так смог!

— Конечно, сынок, ты весь в отца!

Не стал Миша спрашивать про него: расстроится мать.

— Да, меня Каурка любит, радуется, когда увидит. Я её всегда угощаю. А Еропкин сказывал, прошлая ярмарка на Масленицу интересной была. Ма, а как вы в детстве праздновали Масленку?

— О, сынуля, есть что вспомнить! Ковстрече её в понедельник блины пекли. Опару со снегом готовили, когда выходил месяц: «Месяц ты, месяц, золотые рожки, погляди в окошко, подуи на опару!» Тогда блины пеклись белые, нежные. Первый блин на тарелке ставили в слуховое окошко, посвящая родительским душам. Обряжали куклу, госпожу Масленицу, разрисовывали: «Сахарные уста твои, сладкие речи твои, свет ты наш, Масленица!» Везли её на санках на гору. «Масленица приехала! Масленица приехала!» — радовались ребяташки. На другой день во вторник заиграшки начинались. Девки с парнями катались на горках, ели блины. В горах покатались, в блинах повалялись. Приглядывались девушки к парням, те заигрывали с ними. Часто заиграшки заканчивались сватаньем. В среду

— лакомка. Тёщи приглашали зятьёв, угощали их яствами, лакомили. Четверг — самый разудалый день! Разгульная, честная, широкая Масленица! Бабы обряжались в мужиков, те надевали лубяные, берестяные маски-личины. Мы, Шубины, устраивали горки, качели, зазывали скоморохов-балаганщиков, ставили столы со сладкими блюдами. Мама говаривала: «Не будь этого, жизнь пройдёт в горькой беде, а старость на смертном одре...» На ярмарку в Казанку шли по заснеженной дороге. Она будто лоснилась на солнце; золотилась солома, выпавшая из саней. Расписные сани в розанах ныряли по ухабам, нарядные лошади в лентах, бубенцах-колокольцах. Фигуры Масленицы на высоких прилавках. Всё блестит, обвитое золотой канителью. Морозец, для сугреву борцы борются, кулачные бои, гимнастические упражнения. Жаром пышут тела, пар клубится. Из пекарен синие волны чада, стопки золочёных блинов. Бойкая Масленица, кипит широкий пир. Веселятся, катаются с горок, игры, дружеские застолья. Детвора лакомится печевом, блинами. Любуемся: добрые, красивые люди у нас! Двери настежь и сердца! Кони горячие, ногами перебирают, копытами снег рыхлят, в бубенцах-колокольчиках, в лентах ярких. Добрый молодец в саях, в шапке, в синем полушубке, девиц зазывает: «Эй, вы, девки молодые, ждут вас кони удалые! Полетим с ветерком, вспомним Маслену ладом!» Взвилась тройка, словно птица, погоняет молодец закадычных свистом и ласковым словом. Морозно, сводит пальцы крючком, щиплет нос и щёки. Но никто не хочет с широкой Масленицей расставаться в этот разудалый четверг... Пятница, суббота, тёщины блины, золовкины вечёрки-посиделки. И вот проводы Масленицы, прощальный день. Новобрачные одаривали тестя и тещу, сватов, друзей, куму полотенце, куме мыло. Прощёное воскресенье, чин прощения: дети кланялись в ноги родителям, просили прощения, затем родня, соседи просили прощения друг у друга. Чтобы отъезд не был шибко грустным, балагурил какой-нибудь шутейный дядька,

опытный в шутках и забавах. А молодёжь, в сумерках уже, продолжала проводы. Снаряжали корабль на розвальнях, запряжённых пятью рысакими. Рядом с соломенным чучелом Масленицы ставили капитана-медведя в полосатой тельняшке. Прощальный обоз тешил народ песнями, плясками под гармошку, дудки, сопелки, рожки, свирельки, бубны, трещотки. Ребятишки хрумтели выпечкой, хворостом, помогали строить на реке снежный городок: башни, пара ворот, меж ними прорубь. Пешие защищали городок, конные нападали. Пехота мётлами пыталась напугать коней, но всё же конница врывается в крепость. Победители и побеждённые выбирались из проруби и пили братину — вино, сваренное в складчину в винокурне. Везли чучело Масленицы на гору, сжигали и разбрасывали пепел, чтобы год был урожайным. И с песнями возвращались в деревню:

*Масленицу прокатили,
Святые вечера проиграли.
Свет ты наш, Масленица,
Добрая, неумытая,
Где ты ночку ночевала,
Под каким кусточком?
Ехали по дорожке скоморошки,
Срезали по пруточку, сделали по гудочку.
Вы, гудошники, не гудите,
Нашу Масленицу не будите.
Пора перестать есть, пить да спать,
Пора пред Богом встать!*

— Мама, как ты это всё запомнила? Так интересно рассказываешь!

— Детство — пора золотая! Особенно масленичная.

— А где капитаном медведя брали?

— Бродячая парочка, вожатый с медведем по деревням хаживали. Вот и брали Топтыгина на роль морского капитана. Набожные старушки охаивали: непотребное это заделие — хожалое вождение медведя. Они и саму Маслену злопыхательствовали: неугодная, де, Богу она. Когда не Богу поклонялись, а идолам-истуканам, тогда за силу признава-

ли Карачуна. А батюшка Казанской церкви осаживал их, шибко набожных, и называл праздник честной Масленицы добрым. Святого Антония Великого в пример приводил. Как-то охотник-лучник увидел, что праведник с монахами смеётся, веселится, и осудил его. «Натяни тетиву, охотник, — попросил Антоний, — да натяни сильней, сильней да держи подольше». — «Ведь лопнет тетива!» — возмутился тот. — «Вот и в нашей жизни нельзя чрезмерно напрягаться, — ответил Антоний, — иногда и отдых нужен...» Вот и я говорю, сынок, Масленка — это когда двери и сердца настежь, когда всё заодно в этом мире. Спроси-ка у бабушки про лубочные картинки, которые дед твой Леонтий в Ишиме купил.

Слепая Авдотья долго шарила в комод, пока не отыскала лубочные картинки и книжицу, завёрнутые в тряпицу... Рисовали, точно дети: каракулями, смешно, с загогулистыми буквицами. Однако дотошный Миша со тщанием пытался в них разобраться, хотя многое и не понимал. Вот цифры 1722: Пётр I победил шведского короля Карла. И сам открыл в Петербурге масленичный праздник, качался с офицерами на качелях. Вот на санях, запряжённых конями, стоит столб, на столбе тележное колесо, на колесе мужик с корчагой браги и калачами. Толпа тянется за обозом с дудками, свирельками, а бражник угощает. Две свиньи тащат возок, на нём какой-то князь в длинной мантии из красного бархата, подбитой горностаем. В ногах его на бочке кривляется карлик-шут в колпаке с бубенцами. А вот и царёв корабль: 88 пушек, 3 мачты и сам царь. Его дочка Елизавета Петровна катается на лыжах с унтер-офицерами и их жёнами. Её 12-стекольная карета, запряжённая 12-ю лошадьми в золотых сбруях, с султанами из страусиных перьев. Рядом с царицой в карете герцог и придворные дамы. Пажи, кучера в ливрейных камзолах, расшитых золотыми галунами. Егеря, скороходы, шуты, рота гренадеров в треуголках, украшенных дубовыми и еловыми ветками;

офицеры с лаврами из турецких походов. Актёр Волков придумал для Екатерины Великой римский карнавал: маски, костюмы страшные и смешные, паяцы. Ледяной дом с дровами изо льда. Слон, на хребте вожак с молотком; на спине клетка, а в ней шут Балакирев и его невеста, боярыня. Следом чалдоны-сибиряки на медведях, остяки на оленях, новгородцы на козлах, белорусы на волах, татары на ослах, чухонцы и финны на шведских лошадях-лосях, зыряне и прочие в 120 костюмах. Свадебный поезд въезжает на площадь, там столы на 330 человек. Поэт восхваляет Екатерину Великую, «Торжествующая Минерва»:

Идут годы золотые...

Восплещем радостно руками,

Воспляшем весело ногами!

Понравились Мише немецкие райки, где шутовали Пат и Паташонок...

И вот они перед ним на масленичной ярмарке, живые, уморительные!.. Немцы, высланные с Волги в начале войны, не чурались отчаянной русской Масленицы. Один долговязый, другой коротышка подначивали друг дружку. Пат огорчённо вскидывал руки:

— Майне кляйне поросьёнок побежалъ по штрассе.

Толстенький Паташонок, хрюкая, убежал от него. Пат за ширмой обряжался в мундир:

Питер Первый пошѐль погулять,

Поймалъ поросьёнка, пошѐль продавать,

Просиль полтинник, получилъ подсатыльник.

Паташонок у него на руках визжал, хрюкал, сучил ногами и сбил с его головы треуголку. «Питер», тиская «поросёнка», объявил:

— Все слова на «п»! Велик и могуч русского языка!

Недовольные среди зевак возмущались оскорблением русского царя-императора Петра Великого, и Пат с Паташонком, заглушая недовольство, частушили:

*Дер Фатер унд ди Муттер
Поехали на хутор.
Там чудо совершилось —
Ди Киндер получилось!..*

В соседнем балагане частушил Петрушка:

*Парни бегали по льду,
Застудили ерунду.
А без этой ерунды
Ни туды и ни сюды!..*

Говорящий попка Жако крючковатым клювом вытаскивал из коробки «счастливые» билеты и старчески скрипел:

— На счастье, пожалуста! Здравсте и до свиданья!

Лось, запряжённый в расписные сани, катал расфуфыренных девок, схожих с матрёшками... Всё было, и чего-то не хватало. Кого-то. А вот и он! Какая ярмарка на Маслену без медведя! Невиданно огромный, не бурый, как прежде, чёрный, шерсть сталистая, железная шерсть. Страшный — как Карачун! Один появился.

— А где вожатый Степан? — спрашивают.

Приложил лапу к щеке: спит, дескать. Загудели зеваки:

— Спит, что ли? Вечным сном, что ли?

Согласно мотнул головой, печальным взором обвёл возбуждённую толпу. Горестно ссутулился.

— Слопал ты поди его, Карачун! — взвизгнул кто-то из толпы.

Зарычал, вздыбилась на загривке шерсть, отливая сталью. Толпа шарахнулась от него. Выпрямился во весь исполинский рост и зашагал к мальчику, который во все глаза смотрел на происходящее.

— Карачун тебе, малыш! Беги!.. — закричали со всех сторон.

Пальба началась: хлопущки, петарды, а может, и ружья.

— Не стреляйте! Не стреляйте!..

Маленький мальчик встал перед медведем, заградив его собой.

Владимир Николаевич ВЕЩУНОВ

родился в 1945 году. Окончил художественное училище

и педагогический институт. Работал дизайнером,

воспитателем детского дома, учителем

в рыбацком посёлке Приморья, редактором

Дальневосточного книжного издательства.

Публиковался в литературных журналах. Автор книг

повестей и рассказов. Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

